

ПИНГВИН СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Пингинов, населяющих южное полушарие, знают все, но мало кому известно, что само слово “пингвин” – северного происхождения. Так называли раньше бескрылую гагарку. Есть разные версии возникновения этого названия. По одной из них, происходит оно от валлийских слов “pen gwyn” – белоглав – и дано птице благодаря большим белым пятнам у глаз, по другой – английские моряки за недоразвитые крылья называли гагарку “pin wing” – шпилькокрыл, наконец третий – от латинского “pinguis” – толстый (Йовчев, 1982; Fuller, 2001). Так или иначе, название перешло во многие языки. *Pinguinus impennis* (или *Alca impennis*) – научное наименование птицы. Относится она к семейству чистиковых.

Бескрылая гагарка была хорошо известна европейским морякам, и, встретив в южных морях подобных птиц, они и окрестили их пингвинами. Эти столь далекие в систематическом отношении пернатые, благодаря сходным условиям жизни, действительно очень похожи с виду. Бескрылая гагарка утратила способность летать и имела лишь недоразвитые крылья. На суше она ходила неуклюже, вытянувшись вертикально и переваливаясь с ноги на ногу. Зато в море никто бы не узнал неповоротливых увальней: подобно пингвинам и своим сородичам – другим чистиковым птицам – гагарка превосходно плавала и ныряла, махая крыльями под водой. Толстый слой подкожного жира служил надежной теплоизоляцией при долгом пребывании в воде.

У этой птицы было немало и других имен, это говорит о том, что люди давно и тесно с ней контактировали. Древние скандинавы называли гагарку “гейрфугель” – птица-копье (английский вариант – “гейрфаул” – garefowl), а баски – “арпоназ” – копьенос (Моуэт, 1988; Fuller, 2001). Оба

эти названия возникли благодаря мощному копьеобразному клюву. Современное английское наименование great auk – большая гагарка – появилось лишь в XVIII в. (Fuller, 2001).

В историческое время бескрылая гагарка была широко распространена по побережьям и островам всей северной части Атлантики: от Лабрадора и Ньюфаундленда до Гренландии и Исландии, и от Норвегии до Британских островов. Плейстоценовые остатки обнаружены в Средиземноморье, Португалии, на о-ве Мадейра. В голоцене копьенос еще гнезвился на севере Испании (Mourer-Chauviré, 1999). Кости бескрылой гагарки археологи находили в кухонных отбросах первобытного человека во Франции и Испании (Дорст, 1968). Причем их обилие говорит как о высокой численности птиц, так и о том, что на них интенсивно охотились. В одной из пещер на юге Франции обнаружен наскальный рисунок, по всей видимости бескрылой гагарки, сделанный 20 тыс. лет назад (Fuller, 2001). Найдены ископаемые остатки в Гибралтаре, Ирландии, Шотландии, Дании, на юге Швеции (Luther, 1995). В западной части Атлантики кости копьеноса находят в кухонных отбросах почти повсюду от северо-западного побережья Гренландии до Флориды (Моуэт, 1988).

По мнению С.-А. Бенгтсона (Bengtson, 1984), в Европе в доисторическое время существовали отдельные популяции бескрылой гагарки, происходили миграции на север. Именно с этим он связывает высокую представленность этой птицы в кухонных отбросах на самом севере Норвегии, где гнездование ее в то время было маловероятным. По-видимому с миграциями связана и часть дальних находок костных остатков (Luther, 1995). Даже в сравнительно недавнее время гагарки изредка появ-

Рис. 1. Бескрылая гагарка (из: Sedlag, 1983).

лялись в густонаселенных местах Европы. Так, в 1790 г. одну птицу поймали в гавани г. Киля на севере Германии. В 1830 г. труп гагарки нашли на нормандском берегу Франции (Брем, 1902, 1999; Йовчев, 1982).

У ученых нет единого мнения о причинах сужения ареала бескрылой гагарки в древности. С.-А. Бенгтсон (1984) считает, что оно началось задолго до начала воздействия человека и было вызвано изменениями климата. Однако, к ним птицы могут приспособиться, да и теплые моря – это не северная суша, где “разгуливал” ледник. Как показывает анализ, сокращение ареала копыеноса нельзя объяснить изменениями климата. Скорее всего в южной его части птица была истреблена человеком (Mouger-Chauviré, 1999). Бескрылая гагарка, неповоротливая и совершенно беспомощ-

ная на суше, была легкой добычей во все времена.

Из-за постоянного преследования людьми область ее распространения быстро сокращалась. Понятно, что древние охотники не могли причинить птице такого ущерба, как их потомки, но все же бескрылая гагарка исчезла на побережье континента, найдя убежище на труднодоступных скалистых островах. Тем более, что охота ради пропитания сменилась активным промыслом. К X в. н. э. добычииков интересовало уже не столько мясо копыеноса, сколько жир и мягкие эластичные перья, которые стали ценным товаром во многих странах Европы (Моуэт, 1988). Постепенно бескрылая гагарка стала обитателем лишь северных неприступных островов. Но с развитием мореплавания человек добрался и туда. К концу XVIII века копыенос гнезился только на острове Фанк у северной части Ньюфаундленда, на маленьких островках у южного побережья Исландии и на побережье Гренландии. В восточной части Атлантики колонии бескрылой гагарки были уничтожены еще раньше, к XVII в. осталась всего одна – на неприступном о-ве Сент-Килда к западу от Гебридских о-вов. Но к 1800 г. эти птицы там уже не гнездились (Моуэт, 1988).

Бескрылая гагарка была прекрасно приспособлена к обитанию в воде. Гнездилась она на скалах и удаленных от берега островах, где ее не могли достать наземные хищники. Кроме одного. Как пишет Э. Фуллер (Fuller, 2002), эта птица была обречена с того самого дня, когда человек впервые придумал лодку.

Это была крупная, с гуся, птица (рис. 1). Высота взрослого копыеноса достигала 70–85 см. Длина крыла всего 150–170 мм. Спина и бока головы, подбородок, горло и крылья были темно-коричневыми. Второстепенные маховые перья имели белые верхушки, благодаря этому на крыле образовалась узкая белая полоска. В брачный период возле глаз красовались большие

овальные белые пятна. Радужина глаза была каштаново-коричневой. Клюв и ноги черные. Поперек клюва шло несколько узких бороздок. Самец и самка были окрашены одинаково. В зимнее время у птиц отсутствовало белое пятно у клюва, горло и подбородок были белыми. Особенности оперения молодых гагарок так и остались не известными науке (Luther, 1995).

Бескрылая гагарка гнездилась вместе с другими чистиковыми птицами на обрывах прибрежных скал. В наиболее благоприятных местах образовывались громадные скопления из сотен тысяч пар. Численность морских птиц в колониях в районе о-ва Ньюфаундленд потрясала первых европейских путешественников. Один из участников экспедиции французского мореплавателя Жака Картье в 1535 г. так описывал посещение о-ва Фанк: *“Этот остров столь изобилует птицей, что ею можно было бы загрузить все суда Франции, даже не заметив убыли. Мы увезли с собой два барка птицы, чтобы пополнить наши запасы”* (цит. по: Моуэт, 1988). Колонии птиц, в том числе копыеносов, занимали в то время почти все побережье Ньюфаундленда. Некоторые острова моряки даже прозвали Вонючими из-за характерного запаха. По свидетельству Ж. Картье, два острова в заливе Св. Лаврентия, на которые он высадился в 1534 г., *“словно поле травой, были покрыты живым птичьим ковром”* (цит. по: Моуэт, 1988). На крупных колониях копыеносы гнездились так плотно, что птицы с трудом пробирались между гнездами.

О биологии бескрылой гагарки известно очень мало. Полость рта у копыеносов была ярко-желтой, возможно это играло какую-то роль в брачных играх или при общении взрослых птиц с птенцами. В конце мая – июне самка откладывала прямо на голые камни единственное яйцо грушевидной формы. Размер его составлял 110–140 x 70–84 мм. Окраска яиц была очень разнообразной. Одна из причин, по которой яйца копыеносов в свое время так привлекали коллекционеров, – практически невозможно найти два одинаковых. Толстая

Рис. 2. Яйцо бескрылой гагарки, коллекция Ливерпульского музея (из: Fuller, 2001).

скорлупа яйца была матовой и имела заметные поры. Основной цвет ее был серовато-белым, местами он переходил в желтоватый или зеленоватый. По всей скорлупе были разбросаны многочисленные пятна, завитки и линии коричневого, черного или серого цвета. Рисунок также очень варьировал. Большинство из сохранившихся до наших дней яиц имеют грязно-желтоватую окраску (рис. 2).

По аналогии с другими чистиковыми птицами считается, что насиживали яйцо обе птицы около 40 дней. Птенцы появлялись на свет в темно-сером пуховом наряде. Немного окрепнув, они уходили вместе с родителями в воду. В случае гибели яйца или птенца, к повторной кладке гагарки не приступали.

Облюбованные для гнездования скалы бескрылые гагарки покидали уже в июле. В местах с более теплым климатом сроки размножения могли быть и более ранними.

Так, по свидетельству очевидца, на о-ве Сент-Килда копыеносы появлялись в первых числах мая, а покидали его в середине июля.

Окончив гнездовые дела, копыеносы уплывали вместе с потомством далеко в море, до следующего гнездового сезона. Около 10 месяцев они проводили в море, держались в богатых мелкой рыбой местах, которой питались, искусно добывая ее под водой. Поедали гагарки также ракообразных и других мелких морских животных. Находили в их желудках и растения, но они могли попасть туда и с животной пищей. Взрослые еще долго обучали молодежь сложному делу подводной охоты. Половозрелыми молодые птицы становились лишь в возрасте 4–7 лет.

Наблюдатели сообщали, что плавали гагарки с высоко приподнятой головой и изогнутой назад шеей. При беспокойстве ныряли в воду (Брем, 1902, 1999; Bengtson, 1984; Моуэт, 1988; Luther, 1995; Fuller, 2001).

Бескрылая гагарка с древнейших времен была излюбленным объектом промысла приморских жителей. Неспособность летать, доверчивость, большие скопления на гнездовании делали ее легкой добычей. Ж. Картье вспоминал, что однажды его матросы убили больше тысячи птиц, почти не сходя с места (Sedlag, 1983). А. Брем (1902, 1999) пишет, что гагарки никогда не защищали свои яйца. Если нападали на самих птиц, они отчаянно кусались. “Северные пингвины” больше пугались шума, чем зрительных восприятий, и этим ловко пользовались охотники. При испуге птицы издавали слабое карканье. Спасаясь от опасности, они прыгали в воду с высоты 4–5 м.

Добыть бескрылую гагарку не стоило особого труда. Их убивали дубинками, веслами, палками, загоняли в лодки по перекинутой через борт доске столько, сколько их туда могло уместиться. Моряки, запасаясь провиантом на долгое плавание, солили крупных жирных птиц в бочках. От островов отходили корабли с набитыми гагарками трюмами. Издавна велся и промы-

сел яиц. Ими нагружали большие лодки до самих бортов.

Копыенос играл особую роль в питании древних обитателей побережий Северной Атлантики. Об этом свидетельствует огромное количество костей в кухонных отбросах и даже в местах захоронений. В одной из могил на о-ве Ньюфаундленд нашли более двухсот нижних челюстей, в другой обнаружили кость с вырезанным на ней изображением бескрылой гагарки. Причем птицы обеспечивали людей пищей не только летом, но и зимой. Гренландские эскимосы вытапливали жир и запасали его в мешках, сделанных из надутых воздухом пищеводов гагарок. Индейцы коптили или сушили мясо, после чего оно могло сохраняться месяцами. Коренные жители Ньюфаундленда растирали высушенное содержимое яиц, получалось что-то вроде яичного порошка (Моуэт, 1988).

Для средневековых моряков, вынужденных продолжительное время питаться соляной и сухарями, колонии морских птиц оказались “манной небесной”. Наиболее выгодной и легкой добычей были бескрылые гагарки, поэтому им и доставалось больше всех. Птицам, гнездящимся в районе о-ва Ньюфаундленд, не повезло – они оказались как раз на торном пути из Европы к колониям Новой Англии. К птичьим островам то и дело подходили корабли для пополнения запасов провианта и уходили с полностью набитыми трюмами. Еще в 1570-х гг. капитан А. Паркхёрст писал о гагарках: “*Французы, которые рыбачат в районе Большого залива [залив Св. Лаврентия – В.Г.], берут из дома лишь небольшой запас мяса и все время питаются этой птицей*” (цит. по: Моуэт, 1988).

Позже к рыбакам подключились и поселенцы. Для многих из них птицы также были основной пищей. Примерно в 1615 г. Лескарбо сообщал, что “*наибольшую добычу [люди] привозят с некоторых островов, где утки, олуши, тупики, чайки, бакланы и другие птицы водятся в таком множестве, что невольно удивляешься их изобилию [и] для многих оно кажется по-*

что невероятным... мы заходили на такие острова [близ Кансо], где в течение четверти часа доверху загружали птицей наш барказ. Нужно было только молотить их палками, пока хватало сил” (цит. по: Моуэт, 1988). По мере роста численности населения на Атлантическом побережье Америки заготовка мяса и яиц морских птиц становилась все более выгодным делом. Причем сбор яиц проводился неизменно варварскими методами.

Вот, например, какие рекомендации в то время можно было прочитать: “Если вы отправляетесь за яйцами на остров Фанк и хотите наверняка заполучить их свежими, придерживайтесь следующего правила: вы сгоняете с места, убиваете и сгребаете несчастных пингвинов в кучу. Затем вы сгребаете в кучу все их яйца так же, как вы это делаете с опавшими яблоками в вашем саду... эти яйца, пролежавшие какое-то время, уже несвежие и непригодные, однако очистив от них участок земли... вы покидаете его на день-другой... а вернувшись после этого на прежнее место, находите там много яиц, наверняка свежих!” (цит. по: Моуэт, 1988). Напомню, что бескрылые гагарки откладывали только одно яйцо и не приступали к повторной кладке. Можете себе представить какой огромный ущерб популяции приносился только таким несусветным сбором яиц.

А вот как описывает деятельность сборщиков яиц в 1840 г. на северном побережье залива Св. Лаврентия Дж.Дж. Одиобон: “Заветное желание сборщиков – разорить каждое гнездо, неважно где и невзирая ни на какой риск. Они налетают, словно чума, на пернатое племя, утоляя свою звериную склонность к уничтожению несчастных тварей, уже после того, как они их ограбили. Но я не мог полностью верить рассказам об этих ужасах, пока не увидел их собственными глазами.

Их судно – жалкая развалюха, из ее трюма, как из склепа, разносится тлетворное зловоние. Команда, насчитывающая восемь человек, спускает за борт шлюпку и рассаживается в ней, каждый

держит в руках ружье старого образца. Один матрос гребет к острову, веками служившему мириадам птиц местом рождения. При приближении подлых ворюг птицы тучей взлетают со скалы и, заполняя все окружающее пространство, с громкими криками носятся над головами своих недругов.

Слышатся звуки выстрелов нескольких мушкетов, заряженных крупной дробью, и вот уже падают на скалу и в воду убитые и раненые птицы. Остальные в паническом страхе мечутся над врагами, которые между тем высаживаются на берег и с выражением ликования на лице устремляются вперед. Вы только посмотрите на них! Продвигаясь вперед, они давят птенцов в скорлупе и топчут каждое яйцо на своем пути. И когда они наконец убираются с острова, там не остается ни одного целого яйца” (цит. по: Моуэт, 1988). То же самое повторялось на других островах. Попутно собирался гагачий пух и уничтожались все встреченные птицы.

Сложно подобрать слово, которым можно было бы назвать такого рода деятельность. Это не зверство. Этот термин в данном случае будет совершенно некорректным по отношению к зверям. Как ни прищербно звучит, скорее “человечность”. Волк, забравшийся в овчарню и ошалевший от вида легкодоступных и беззащитных жертв, через какое-то время все-таки успокаивается. Эти же твари, упиваясь своей жестокостью и безнаказанностью, не успокаивались никогда. Саранча уничтожает всю зелень, до которой может добраться, но она ей нужна для пропитания. Зажравшимся пассажирам первых трансконтинентальных поездов в США, с тупым самодовольством расстреливающим проходившие мимо стада бизонов, не нужно было ничего. Так может поступать только человек. Честно говоря, термин “гуманизм” после всего того, что натворили наши далекие и близкие предки, звучит как-то кощунственно.

Переселенцы в Америке “сорвались с цепи”. Психология их в это время – инте-

ресная тема для исследования. Европейцы давно уже отвыкли от такого изобилия природных богатств. Им казалось, что попали они чуть ли не в рай, и конца-края его “молочным рекам” не будет. Тем более, что опустошив одну местность, можно было двигаться дальше в глубь континента. Кроме того, дикая природа просто мешала привычному образу жизни. В Европе люди были не менее жестокими, но там природные ресурсы они использовали все-таки более рационально, бессмысленного уничтожения было гораздо меньше. Психология переселенца? Все равно, то, что вокруг – не моя родина и после нас хоть потоп? Главное – урвать свое, а там – будь, что будет. И ведь ехали туда не одни только отпетые негодяи. Среди переселенцев было много искренне верующих людей, гонимых в родном отечестве за свои религиозные убеждения. В колониях они старательно соблюдали все обряды и предписания. Но христианство не только не послужило защитой природе (или хотя бы людям – индейцам и “конкурирующим” колонистам), а, наоборот, было идеологической основой для тотального истребления. Колонисты были свято уверены, что все вокруг создано для них. А раз так, нечего и церемониться. Моряки, занимавшиеся в XVII в. добычей бескрылых гагарок, считали *“будто господь сотворил это жалкое существо столь простодушным, дабы оно служило человеку превосходным подкреплением его сил”* (цит. по: Мак-Кланг, 1974). Заповедь “не убий” оставалась лишь благопристойной декорацией не прекращающейся кровавой бойни...

Не меньшее опустошение, чем заготовка мяса и яиц, производила и добыча жира, спрос на который был в то время очень высоким. Бескрылая гагарка была для этого идеальным объектом. Суда, промышленявшие в XVII в. треску у берегов Америки, нередко увозили и по 10–12 бочек “пингвиньей” ворвани. Для этого требовались тысячи тушек копыеносов. Причем вытапливать ворвань можно было и на совершенно лишенных растительности скалах.

Огонь поддерживали при помощи шкур и тушек убитых птиц. Нередко шкуру сдирали с еще живых птиц, а других так же живо сжигали. Рыбаки обнаружили, что разодранные на куски тушки копыеносов – прекрасная наживка для ловли трески. Они прочесывали острова, уничтожая и взрослых птиц, и птенцов (Моуэт, 1988).

Ко времени американской войны за независимость на о-ве Фанк каждое лето 2–3 месяца жили промысловики. Они соорудили из камней несколько больших загонов, где отрезанных от моря птиц можно было спокойно глушить дубинками (Мак-Кланг, 1974). Подобные каменные изгороди и груды костей в них были обнаружены П. Штувитцем в 1841 г. и на других мелких островах у входа в залив Бонависта на севере Ньюфаундленда (Брем, 1902, 1999).

И несмотря на это безумное непрестанное истребление бескрылые гагарки продержались несколько столетий! Можете себе представить, какой колоссальной была их численность до этого. Добыл копыеносов возросший во второй половине XVIII в. спрос на перья и пух. Их использовали для изготовления постельных принадлежностей и обивки мебели. Предприимчивые дельцы стали снаряжать корабли на колонии морских птиц. Досталось и гагам, и многим другим видам. Последние колонии бескрылых гагарок у берегов Америки к началу XIX в. были уничтожены.

Вот свидетельство очевидца: *“Остров Фанк представляет собой пустынное место, населенное только пингвинами и другой птицей, которой здесь столько, что просто не верится. Как только вы ступили ногой на берег, вас окружают тысячи птиц, они путаются у вас под ногами и настолько ленивы, что даже не пытаются уйти с вашей дороги.*

Если вы пришли за пером, то вам нет нужды их убивать, надо просто схватить птицу в руки и выщипать у нее перья поллучше. После этого вы оставляете несчастную птицу на произвол судьбы, полуголую, с разодранной кожей – пусть себе не спеша издыхает. Не очень гуманный спо-

соб, но такова общепринятая практика” (цит. по: Моуэт, 1988). Другой “не очень гуманный способ” состоял в том, что оглушенных птиц заживо бросали в котлы с кипящей водой, чтобы было легче ощипывать перья (Fuller, 2001).

Жители прибрежных колоний, сами не особо щадившие птиц, стали наконец-то соображать, что они вскоре останутся без дешевого источника мяса и жира. В 1775 г. власти Ньюфаундленда обратились к Великобританиии с просьбой запретить уничтожение птиц ради перьев, разрешив их добычу только для еды и наживки. Моряки обнаружили, что потеряли важный навигационный ориентир. В течение почти трех столетий бескрылые гагарки и другие морские птицы служили возвращающимся из плавания судам безошибочным указателем того, что они прибыли на Большую Ньюфаундлендскую банку, а значит близко материк, чьи небезопасные для мореплавателей берега были часто скрыты туманом. Сведения об этом заносились даже в путевые карты и лоции (Моуэт, 1988).

По свидетельству моряков XVIII в., на Ньюфаундлендской банке “казалось, будто сюда слетелись пернатые со всего света. Глазам было больно от постоянного мелькания прилетающих и улетающих птиц, количество которых не поддается описанию. Не много найдется на нашей Земле мест, где можно увидеть подобное проявление плодотворности божественного созидания” (цит. по: Моуэт, 1988).

Лишь в 1794 г. лондонский министр по делам колоний запретил наконец уничтожение копыеносов для торговли пером, поскольку “они дают пищу и наживку и предупреждают суда о приближении к земле” (Моуэт, 1988). Мало того, что этот запрет пришел слишком поздно, так его еще и проигнорировали. К 1802 г. последняя в Северной Америке колония “пингвинов” на о-ве Фанк была окончательно уничтожена. Побывавший на нем в 1841 г. норвежец П. Штувитц обнаружил лишь огромные груды костей, скелеты и мумифицированные останки птиц – все, что напоминало о су-

ществовании крупнейшей из известных нам колоний. Во второй половине XIX в. натуралисты еще долго собирали здесь кости бескрылых гагарок для музеев (Дорст, 1968; Luther, 1995; Брем, 1999).

Вот как описывал посещение о-ва Фанк в 1887 г. У. Палмер (сравните с приведенными ранее цитатами): “*Какое же множество птиц должно было обитать на этом пустынном острове в прежние годы, когда он, вне сомнения, кишмя кишел бескрылыми гагарками, кайрами, гагарками, тупиками, полярными крачками и олушами, и ничто не нарушало их безмятежного существования, разве что случайные набегги ныне исчезнувших индейцев с Ньюфаундленда. Но как все изменилось после того, как его начали грабить белые рыбаки; сегодня, если не считать полярных крачек и тупиков, остров кажется необитаемым. [Если] раньше здесь за один раз набирали по шестнадцать бочек яиц кайр и гагарок для отправки в Сент-Джонс, то мы не увидели и дюжины яиц*” (цит. по: Моуэт, 1988). Закономерный эпизод безумия. Как не вспомнить Э. Хемингуэя: “С нашим появлением континенты быстро дряхлеют”.

Еще несколько десятилетий сохранялись жалкие остатки бесчисленных некогда колоний бескрылой гагарки на севере Атлантики. Они уже не представляли никакого интереса для промысла, тем не менее во времена наполеоновских войн к исландским островам снаряжались специальные корабли, которые заготавливали дешевое мясо копыеносов солдатам (Sedlag, 1983). Делалось все так же по-варварски, как и в Америке. Моряки с корабля “Ферное” так нагрузили яйцами лодки, что те от качки на волнах вываливались за борт. Целые кучи убитых птиц так и остались гнить на берегу, поскольку из-за приближавшейся бури кораблю пришлось быстро уйти в открытое море (Йовчев, 1982).

Два крохотных островка у юго-западных берегов Исландии возле полуострова Рейкьянес, собственно и островами их назвать сложно – просто скалы среди моря,

вошли в историю благодаря тому, что тут оставались последние места гнездования бескрылой гагарки. Это Гейрфугласкер (птицы дали ему и название – Гейрфугеловы шхеры) и Элдей. Хищнический промысел привел к тому, что к 20-м годам XIX ст. бескрылые гагарки оставались уже только здесь. На побережье Гренландии последние случаи добычи этих птиц датированы 1815 и 1821 гг. (Брем, 1999).

Гейрфугласкер служил надежным убежищем для птиц. Остров был почти недоступен из-за сильного прибоя, и не один из предприимчивых дельцов заплатил жизнью, так и не добравшись до лакомого кусочка. Промысел, к тому же, был мало выгодным: два расположенных неподалеку монастыря требовали себе в качестве пошлины 3/4 добычи. Тем не менее копыеносов не оставляли в покое и там. В 1808 и 1813 гг. его посещали военные корабли для заготовки мяса и яиц. Но зимой 1830 г. о-в Гейрфугласкер поглотило море в результате подводного вулканического извержения. Осталась лишь крохотная колония бескрылых гагарок на о-ве Элдей (Мак-Кланг, 1974; Гржимек, 1978; Йовчев, 1982; Fuller, 2002).

Добытки мяса и перьев к тому времени уже забыли о копыеносе как объекте промысла. И тут на арену вышли коллекционеры, поставившие последнюю точку в этой трагедии. Когда стало ясно, что дни “северного пингвина” сочтены, цены на чучела и яйца гагарок бешено подскочили, и многие музеи и частные коллекционеры не считались ни с чем, чтобы заполучить себе последние живущие экземпляры.

Примерно в 1830 г. купцы-экспортеры в Рейкьявике стали получать письма с просьбой о поставке гейрфугелей и их яиц и обещанием щедро расплатиться. Нашелся как минимум один торговец, который не упустил случая подзаработать. Звали его Сиемсон. Он договорился с рыбаками из сел Стадур и Хафнир, расположенных на конце полуострова Рейкьянес, после чего они стали совершать регулярные набеги на Элдей. К 1843 г. через руки Сиемсона про-

шло от 50 до 75 копыеносов и неизвестное количество их яиц, которые осели в коллекциях по всей Западной Европе (Моуэт, 1988). Это были последние копыеносы...

Когда бескрылых гагарок было много, добыча их еще была промыслом. Безрассудным, хищническим, но промыслом. Когда же началась погоня за последними особями, это уже было убийством. Убийством биологического вида.

Мы не знаем, даже примерно, какая численность копыеносов была во времена их процветания. Учетов тогда никто не проводил. Сухие цифры отражают лишь последние годы жизни вида. В 1830 г. на острове нашли 12 или 13 птиц, из которых 8 были убиты. Большая их часть пошла в коллекцию. В 1831 г. добыли 24 птицы, в 1833 г. – 13, в 1834 г. – 9. В 1840 и 1841 гг. добытки еще нашли трех птиц и несколько яиц (Luther, 1995). Это был конец.

Последний акт драмы состоялся 3 июня 1844 г. События того дня были восстановлены по воспоминаниям самих участников британскими орнитологами Дж. Уоллеем и А. Ньютоном. Всего в пиратском набеге на “последних из могикиан” принимало участие 14 человек. Они вышли на 8-весельном вельботе вечером предыдущего дня из Киркйевогра и утром приплыли к острову. Три человека выбрались на скалу, четвертый отказался, настолько рискованной была высадка (Luther, 1995). Звали их Кетил Кетилссон, Йон Брандссон и Сигурдур Ислефссон. Это были рыбаки из Стадура. *“Когда они взобрались наверх, они сразу увидели пару гейрфугелей, сидящих в окружении многих других морских птиц, и тотчас же бросились в погоню за ними. Гейрфугели не выказали ни малейшего желания сопротивляться, но засеменили прочь по высокой скале, вытянувшись во весь рост и расправив маленькие крылышки. Обе птицы двигались короткими шажками со скоростью пешехода, не издавая никаких тревожных криков. Йон, растопырив руки, прижал одну из них к скале и быстро ее связал. Сигурдур и Кетил погнались за второй и поймали ее у самого*

края скалы. Затем Кетил вернулся к положу уступу, откуда птицы начали свое отступление, и увидел яйцо, лежащее на глыбе застывшей лавы. Он знал, что это было яйцо гейрфугеля, поднял его, но тут же бросил, увидев, что оно разбито” (цит. по: Моуэт, 1988). Вскоре всей компании пришлось уносить ноги, потому что поднялся ветер и усиливался прибой. Обоих птиц задушили и продали. Их заспиртованные внутренние органы находятся в музее Копенгагена, шкурки же исчезли бесследно (Fuller, 2002). Интересно, что делец, снарядивший экспедицию на остров, так и не получил причитавшихся ему шкурок. Воспользовавшись случаем, один из рыбаков продал их другому человеку по дороге в Рейкьявик (Fuller, 2001).

Были ли эти птицы действительно последними представителями своего вида, установить уже никогда не удастся. Во всяком случае именно так они вошли в историю. В любом деле существуют свои мифы, пусть это будет один из них...

После этого еще более десяти лет поступали сообщения о встречах бескрылых гагарок в различных местах, но проверить их так и не удалось.

По словам Б. Гржимека (1978), рыбаки, убившие двух последних гагарок, “совершили более тяжкое преступление, чем грек Герострат, поджегший, как известно, храм Артемиды в Эфесе только затем, чтобы увековечить свое имя”. Храм можно отстроить заново, а вот воскресить вид, однажды исчезнувший с лица земли, не сможет уже никто и никогда.

Бескрылая гагарка стала первой из европейских и американских птиц, полностью уничтоженных человеком. В память о первой потере своего континента, журнал Американского орнитологического союза называется “Auk” – гагарка.

От процветавшего некогда вида осталось 78 чучел и тушек в музеях, около 75 яиц да пара скелетов (Luther, 1995; Fuller, 2001). Сейчас они стоят бешеных денег. Уже в 1890 г. за чучело бескрылой гагарки давали до 400 фунтов стерлингов. В то вре-

мя это была стоимость 4–5 небольших домов (Fuller, 2002). Чучела и яйца часто продавались на аукционах в лондонском Ковент Гардене. Одна из фирм была настолько тесно с этим связана, что ее телеграфный адрес звучал: “Auks, London” (Fuller, 2001). На смерти также можно наживать состояния. К сожалению, это тоже чисто человеческая черта...

Интересно, что перемещения этих экспонатов по миру обуславливаются не только желанием заполучить редкий экземпляр, но и запоздалыми муками раскаяния. 4 марта 1971 г. директор Исландского музея естественной истории на знаменитом лондонском аукционе Сотби выложил 33 тыс. долларов за чучело гейрфугеля, убитого предположительно на о-ве Элдаей. Деньги были собраны по публичной подписке, причем, по словам директора, можно было собрать и вдвое большую сумму, так велико было желание исландцев вернуть на остров хотя бы в таком виде эту частицу утраченного природного наследия (Моуэт, 1988).

Литература

- Брем А. (1902): Жизнь животных. 2: 644-647.
 Брем А. (1999): Птицы. М.: АСТ. 1: 1-688.
 Гржимек Б. (1978): Для диких животных места нет. М.: Мысль. 1-268.
 Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.
 Йовчев Н. (1982): По следите на исчезалие животни. София: Наука и искусство. 1-150.
 Мак-Кланг Р. (1974): Исчезающие животные Америки. М.: Мысль. 1-207.
 Моуэт Ф. (1988): Трагедии моря. М.: Прогресс. 1-352.
 Bengtson S.-A. (1984): Breeding ecology and extinction of the great auk (*Pinguinus impennis*): anecdotal evidence and conjectures. - Auk. 101 (1): 1-12.
 Fuller E. (2001): Extinct birds. Oxford: Oxford Univ. Press. 1-398.
 Fuller E. (2002): Foreword. Extinct birds. - Handbook of the Birds of the World. Barcelona: Lynx Editions. 7: 11-68.
 Luther D. (1995): Die ausgestorbenen Vögel der Welt. Magdeburg: Westarp Wissenschaften. 1-203.
 Mourer-Chauviré C. (1999): Influence de l'homme pré-historique sur la répartition de certains oiseaux marins: L'exemple du Grand Pingouin *Pinguinus impennis*. - Alauda. 67 (4): 273-279.
 Sedlag U. (1983): Vom Aussterben der Tiere. Urania Verlag. 1-216.